

К.А. Соловьев

ОБРАЗЫ РУССКОЙ ИСТОРИИ В ОРАТОРСКОЙ ПРОЗЕ ФЕОФАНА ПРОКОПОВИЧА

В статье анализируются случаи обращения к российской истории в «Словах» и «Панегириках», произнесенных Феофаном Прокоповичем в период между 1705 и 1725 гг. Предпринята попытка выявить источники сведений о русской истории, которые использовал Ф. Прокопович, обозначить цели включения им исторических образов в тексты торжественных речей. Автор приходит к выводу о том, что при обращении к российской истории Ф. Прокопович руководствовался теми же подходами к знанию о прошлом, что и при использовании образов Священной истории.

Ключевые слова: Феофан Прокопович, Петр I, Александр Невский, история России, российское государство, богословие, Ветхий Завет, Псалтирь.

Ораторская проза — один из главных жанров русской литературы на всем протяжении ее существования, от времени формирования письменной культуры и до начала XIX в. И — одновременно — это один из самых важных элементов исторического нарратива, причем нарратива более сложного, чем повествование о прошедших временах и событиях в таких литературных жанрах, как историческая или воинская повесть. Политическое красноречие требует от истории прежде всего образцов (эталона) для оценки событий современности, чтобы эти события получили масштаб, могли встать в один ряд с деяниями предков. А для этого, помимо знания самих фактов, требуется не только дар художника, но и способность к аналитике и понимание исторических процессов, а в идеале — собственная концепция исторического развития России. Все эти черты исторического сознания мы можем видеть уже в самых первых образцах ораторской прозы: «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, «Поучении» Владимира Мономаха, «Словах» епископа Серапиона Владимирского. Но тогда, в глубокой древности, сама история России была слишком короткой, слишком недолгой, чтобы примеры из собственного, а не античного или библейского прошлого могли быть использованы для создания образной системы. Поэтому «Слова» средневековых авторов отражают скорее их представления о всемирной истории, чем об истории России.

Константин Анатольевич Соловьев — доктор исторических наук, профессор кафедры политической истории факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова (ksoloviov@spa.msu.ru).

В XVIII в., в период расцвета жанра ораторского красноречия и, одновременно, становления истории как науки, отсылки к отечественному прошлому, примеры, взятые из него (наряду с примерами из истории священной и истории мировой) играют огромную роль в формировании исторического сознания российской интеллектуальной элиты и выработке преставлений о масштабе не только событий современности, но и всей отечественной истории, ее месте в истории мировой.

Безусловным авторитетом в этом жанре, человеком, «заложившим основы политического красноречия в России»¹ XVIII в., был Феофан Прокопович. Но его ораторское искусство важно для нас не только этим. Прокопович был одним из тех людей, в беседах с которыми проверял свои политические и исторические воззрения В.Н. Татищев. Общеизвестно его влияние и на ранее литературное творчество М.В. Ломоносова. Более того, некоторые методы изучения прошлого, используемые М.В. Ломоносовым (по крайней мере, в части сопоставления российской и античной истории), тоже вырабатывались под влиянием произведений Ф. Прокоповича. В этом смысле, вероятно, можно предполагать, что исторический нарратив середины XVIII в., и в «литературной», и в научной его плоскости, находился под серьезным влиянием как творчества Ф. Прокоповича, так и его личности, взглядов, представлений, воспринятых учениками и младшими современниками.

Интерес самого Феофана Прокоповича к российской истории неоднократно отмечен в отечественной историографии². В.М. Ничник обратила внимание на то, что в библиотеке Ф. Прокоповича имелись списки русских летописей, а сам он, обращаясь к древней российской истории, подготовил сочинение под названием «Роспись (родословная князей и царей российских до императора Петра Великого, с кратким описанием знатнейших дел, с гравированным каждого портрета)» и ввел в лекционный курс, прочитанный им в Киево-Могилянской академии, раздел «о методе писания истории»³.

---

1. *Буранок О.М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века. Автореф. дис. ... докт. фил. наук. Самара, 2013. С. 27.

2. Об интересе Ф. Прокоповича к российской истории см. также: *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1966. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры. С. 43–46; *Автухович Т.Е.* Прокопович // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 488–496.

3. *Ничник В.М.* Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977. С. 149–150.

В данной статье речь пойдет о похвальных «Словах» Ф. Прокоповича, а более конкретно — о том, как в них отразилось его понимание российской истории. Возможность судить об этом дают примеры, использованные Прокоповичем в его политическом красноречии в качестве опорных смысловых конструкций, при помощи которых, как уже было сказано выше, устанавливался масштаб исторических деяний Петра I и тех событий недавнего прошлого, которые Феофан Прокопович считал необходимым запечатлеть в своих похвальных «Словах». А эта часть его творческой (и вместе с тем — государственной) деятельности воспринимались современниками как главное «дело» архиерея — пропаганда политики Петра I и его достижений⁴. Взгляды Ф. Прокоповича на российскую историю в целом нашли отражение именно в «Словах похвальных». Их изучение позволило исследователям его творчества делать выводы о существовании у Прокоповича определенной концепции исторического развития России. В изложении В.М. Ничник эта концепция выглядит так: «вся история России представляется Прокоповичу как переход от первоначальной целостности к расчленению и раздробленности и к последующему восстановлению утраченного единства, т.е. в форме определенной триадичности»⁵. В данной статье мы попытаемся показать, как Ф. Прокопович использовал образы русской истории в своем ораторском красноречии, для чего нужны были эти образы, откуда брались и для чего были ему необходимы.

Обратившись впервые к российской истории в «Слове», произнесенном 5 июля в 1708 г. в Софийском соборе Киева, Прокопович называет места в древней столице, связанные с именами великих князей: Владимира Святославича, его сыновей Бориса и Глеба, Святослава и Всеволода Ярославичей, их племянника Святополка Изяславича и, наконец, Андрея Боголюбского⁶. Таким образом, в этом «Слове» очерчены границы и составлены символические фигуры периода расцвета киевской государственности, прямую родственную связь с которой провозглашает Прокопович, раз за разом используя недвусмысленные семантические единицы: «отчич и наследник» и «родство» — применительно к Петру I, «отцы и праотцы

---

4. Подробно об этом см.: *Павленко Н.И.* Феофан Прокопович // Наука и жизнь. 1995. № 4. С. 86–92; *Бухаркин П.Е.* Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121; *Храпко-Магала М.В.* Переиздания литературного наследия Ф. Прокоповича в XVIII–XX вв. и проблемы редактирования // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 69–77.

5. *Ничник В.М.* Феофан Прокопович... С. 161.

6. *Прокопович Ф.* Слова и речи. СПб., 1760. Ч. 1. С. 4–5.

твоя», «родоначальник», «кровь ...отец твоих» — по отношению к киевским великим князьям⁷.

Утверждение, вопреки исторической правде, прямого родства Петра с династией киевских князей является, видимо, данью традициям политического красноречия и частью общего замысла слова: «Мнозии имеют славу отеческую, но своими делами не умножают. Мнозии иные имеют славу свою своими делами рожденную: но от отец не прияша. <...> Наш Пресветлый Монарх обоя величия совокупи»⁸. Для доказательства этого постулата Прокопович сопоставляет деяния Петра и его «праотцев», отбирая из персонажей древней русской истории тех, чью славу Петр преумножил своими трудами.

Первый из тех, с кем автор соотносит Петра, — это правитель, чья фигура занимает в то время главное место в размышлениях Прокоповича о русской истории: Владимир Святославович, креститель Руси. Годом раньше, в 1705 г., еще будучи преподавателем Киево-Могилянской академии, он закончил трагикомедию «Владимир», посвященную ктитору академии гетману Мазепе. В прологе этой пьесы Прокопович, обращаясь к Мазепе, пишет: «Зри себе самого во Владимире, зри <...> аки в зеркале твою храбрость, твою славу, твоей любви союз с монаршим сердцем, твое истинное благолюбие, твою искреннюю к православной единой кафолической веры нашей ревность и усердие»⁹. Именно Владимир, совершивший первый и, может быть, самый важный поворот в российской истории, служит Прокоповичу точкой отсчета «славы» древней Руси. Именно Владимира называет он «родоначальником» Петра¹⁰. И, в соответствии со своей общей концепцией «обоих величий», он проводит параллель между славными подвигами Владимира и Петра: «Видит в тебе Киев... победы и ревность Владимирову: той многие народы мечем пленил, и Россию Евангелием просветил; ты многия грады отеческие от ига оттоманского и от уз еретических мечем свободил еси»¹¹.

Выражение «мечем пленил» отсылает образованного читателя к шестой главе IV Книги Царств:

«Когда они пришли в Самарию, Елисей сказал: Господи! открой глаза им, чтобы они видели. И открыл Господь глаза их, и увидели,

---

7. Там же.

8. Там же. С. 6.

9. Прокопович Ф. Сочинения. М.; Л., 1961. С. 152.

10. Прокопович Ф. Слова и речи... Ч. 1. С. 4.

11. Там же. С. 5.

что они в середине Самарии. И сказал царь Израильский Елисею, увидев их: не избить ли их, отец мой? И сказал он: не убивай. Разве мечом твоим и луком твоим ты пленил их, чтобы убивать их? Предложи им хлеба и воды; пусть едят и пьют, и пойдут к государю своему» (4 Цар 20:22).

Эта отсылка еще крепче связывает Владимира с Петром. Петр крайне гуманно относился к пленным шведам, буквально в духе Ветхого Завета предлагал им «хлеба и воды». Владимир же (по сообщению русских летописей), приняв христианство, отказался от применения смертной казни. Таким образом, сопоставление Петра с Владимиром становится многоплановым. Первый план — победы и завоевания, второй — христианское милосердие.

Вернемся к одному из главных мотивов «Слова» — мотиву преемственности и «родства». В сопоставлении Владимира и Петра две части. И в обеих можно заметить, мягко говоря, «натяжки». Начнем со второй части. Войны, которые вел Петр с Турцией и Швецией, не носили религиозного характера, не сопровождалась миссионерской работой Православной Церкви. Только при очень большом желании можно увидеть в них хоть какие-то черты борьбы за веру. Что же касается первой части, то здесь Прокоповичу было легче. Его знание российской истории определялось, в первую очередь, материалами, содержащимися в так называемом «Киевском синопсисе», или «Синопсисе Иннокентия Гизеля»¹², подготовленном в Киево-Могилянской академии и изданном в 1674 г. А вся 33-я глава Синопсиса, названная автором «О храбрости Владимировой», посвящена перечислению побед великого князя:

«Самодержавствуя же Владимир по сей России, обрати свое внимание к брани и храбрости воинственной. Первое поднесе брань воинскую на Мечеслава, Князя польскаго, и взя под ним Перемышль и Червень и волость Радомысльскую, и иных много. Победы же и Вятичи. <...> Потом Володимир иде с войском великим за Дунай, и взя в свою область земли Болгарскую, Сербскую, Карватскую, Семградскую, Вятицкую, Ятвязскую, Дулепскую, Волосскую, Мултянскую, Татаров Бобруцких, и дань на всех возложи, юже прежде Греческим Цезарям даяху»¹³.

---

12. О «Синопсисе» как источнике исторических знаний Ф. Прокоповича см.: *Прокопович Ф. Сочинения...* С. 476–477.

13. Мечта о Русском единстве // *Киевский Синопсис (1674)*. М.: Европа, 2006. С. 90.

А в главе 35 повествуется «О победе Владимировой над Печенегами под Переяславлем»¹⁴.

Древнерусские летописные своды содержат сведения о захвате Владимиром польских городов, подчинении ятвягов, вятичей и радимичей. Описаны походы на болгар (но не дунайских, а волжских) и хорватов, а также сражения в хорватских землях с печенегами¹⁵. Термин «пленение» здесь может быть отнесен лишь к польским городам, ятвягам и радимичам. Если же опираться на «Синописис», то выходит, что Владимир «пленил» гораздо большее количество земель и народов.

Далее, в своем Слове Прокопович сравнивает Петра с сыном Владимира Ярославом: «Видит любомудрие Ярославово: той писания божественная и иныя многия книги от языка еллинского на славенский преведе; ты академию в царственном твоём граде воздвигл еси, и везде людьми учительными разширяти мудрость не престаеши»¹⁶. Здесь «Синописис» Прокоповичу помочь не может: большая часть 52-й главы («О княжении Ярослава») посвящена описанию строительства и украшения церквей, а о любви к книгам не говорится ничего. Вряд ли бы Петра обрадовала похвала, обращенная к царю — строителю соборов. Иное дело — любовь к просвещению. Сведения о Ярославе для этого примера взяты из «Повести временных лет» (знакомство с которой Прокоповичу давала Густынская летопись, содержащая в начальной части текст, близкий к Ипатьевской летописи):

«И бѣ Ярославъ любя церковныя уставы, и попы любяше повелику, излиха же бѣ любя черноризьци, и книгамъ прилежа, почитая часто в день и въ нощи. И собра писцѣ многы и прѣкладаше от грѣкъ на словенскый языкъ и писмо. И списаша многы книги, и сниска, ими же поучаються вѣрнии людье и наслажаються учения божественаго гласа»¹⁷.

И, наконец, третий элемент сопоставления в «Слове»: параллель цари Петр и Иван — и князья Борис и Глеб. «Когда же вспомянем любовное Ваше согласное Царствование блаженя памяти со Иоанном братом Твоим, и видим ли в Тебе Братолюбие Святых Страстотерпцев Романа

---

14. Там же. С. 92.

15. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры. 1997. Т. 1. Ст. 81–84; Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры. 1997. Т. 2. Ст. 69–71.

16. Прокопович Ф. Слова и речи... Ч. 1. С. 5.

17. Повесть временных лет (по Ипатьевскому списку). Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 1 // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 22.09.2015).

и Давида?»¹⁸ — возвещает в своем «Слове» Феофан Прокопович. Произвольный характер выбора персонажей для сопоставления в этом третьем примере выступает с особой выпуклостью. Борис и Глеб никогда не правили вместе. Они были убиты братом-узурпатором, и не оказали ему сопротивления. И именно поэтому их жизнь стала примером христианского братолюбия. Петр же воспротивился узурпации власти со стороны своей старшей сестры — и тем самым поступил вопреки примеру Бориса и Глеба. Если уж и сравнивать с Петром с кем-либо из персонажей этой древней истории, то с Ярославом, победившим Святополка Окаянного и разделившим власть с братом Мстиславом.

Но исторические реалии не очень заботили Прокоповича в данном случае. Он следовал традиции *символических сопоставлений*, важнейшей для ораторского церковного красноречия и отточенной на библейских сюжетах. Смысл ее в том, что в событиях, случающихся в истории, необходимо видеть символическое отражение тех событий, которые зафиксированы в истории Священной (Ветхо- и Новозаветной) для назидания потомкам. Символика Священной истории помогала токованию все новых и новых событий и действий исторических персонажей в едином — христианском — ключе и служила самой точной сеткой координат в моральной оценке этих событий и поступков. При этом выбор персонажей и событий в Священной истории для сопоставления с историей «новой» зависел от воли и задачи автора текста: проповеди, слова, жития и т.п. В этом смысле трудно согласиться с В.П. Гребенюком, утверждавшим, что в число стилистических особенностей этого «Слова» входит «опора на реальные факты»¹⁹. Скорее, можно говорить о том, что реальные факты (в том виде, в каком с ними был знаком Ф. Прокопович), в его «Слове» принимают значение символических и сближаются с фактами Священной истории, сопоставляемыми с современностью.

Эта традиция *произвольных и символических сопоставлений персонажей* естественным образом была распространена и на российскую историю. Так, Иннокентий Гизель в 35-й главе Синописа, где речь идет о борьбе с печенегами под Переяславлем, рассказывая о поединке «великого печенега» и «малого русина», непременно использует образы Голиафа (печенег) и Давида (русин). Владимир же, предводитель русского войска, предстает у него в образе Саула, победившего «иногда <...> через Давида Филисти-

18. Прокопович Ф. Слова и речи... Ч. 1. С. 6.

19. Панегирическая литература петровского времени. М., 1979. С. 23.

нов»²⁰. Феофан Прокопович поступает так, как до него поступали многие поколения священников-литераторов: произвольно отбирая персонажей (правда, теперь не Священной, а древней российской истории), он наполняет это сопоставление символическим смыслом по своему усмотрению. Это наш *первый вывод* из краткого анализа того, как Ф. Прокопович использовал образы российской истории, когда впервые обратился к ней в похвальном «Слове».

В качестве *второго вывода* отметим, что символика обращений к образам российской истории позволяет увидеть, в чем именно видел Прокопович задачи власти и «добродетели» правителя. Обращаясь к образу Владимира Святого, Прокопович называет две задачи, решаемые властью в первую очередь: расширение территории государства и защита Православия. И то и другое можно представить в качестве двуединой задачи «одоления врагов» (врагов государства и Православия) — задачи, встречающейся уже в «Похвале Владимиру» конца XI в.:

«Когда князь Владимир добрые дела совершал, то Божья благодать освещала сердце его и рука Господня помогала ему, и побеждал всех врагов своих, и боялись его все. На кого шел, одолевал: радимичей победил и дань на них положил, вятичей победил и дань на них положил, ятвягов взял, и серебряных болгар победил; и хазар, пойдя на них, победил и дань на них положил»²¹.

Еще одна задача и добродетель государства отмечается Прокоповичем в символическом образе Ярослава. Это задача просвещения народа. На первый взгляд, и эта добродетель традиционна для святоучительской русской литературы со времен глубокой древности. Но в той же «Похвале Владимиру» просвещение понимается как утверждение веры:

«И ты, блаженный княже Володимере, подобно Константину Великому сѣтвори, яко онъ вѣроу великою и любовью Божию подвигся. Утверди всю вселеную любовию и вѣроу, и святымъ крещениемъ просвѣти весь миръ, и законъ Божий по всей вселенѣй заповѣда. И разруши храмы идольския съ лжеименными боги, и святыя же церкви по всей вселенѣй постави на хвалу Богу, в Троицы слави-

---

20. Мечта о Русском единстве... С. 93.

21. Память и похвала князю русскому Владимиру. Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 1 // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). URL: <http://lib.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=4870> (дата обращения: 22.09.2015).

тому Отцу, и Сыну, и Святому Духу, и крестъ обрѣте, всего мира спасение»²².

А Феофан Прокопович в своем «Слове» несколько сдвигает акценты с церковного просвещения на светское. В трактовке образа Ярослава это достигается указанием на то, что великий князь приказывал переводить с «еллинского на славенский» не только «писания божественная», но «и иныя многия книги». В трактовке образа Петра — упоминанием не только Славяно-греко-латинской академии, которой Петр придал статус государственной, но и похвалой расширению круга «учительных людей».

Таким образом, можно с некоторой осторожностью предположить, что, оставаясь в русле церковноучительной традиции, в этом своем «Похвальном слове» Феофан Прокопович сделал первый шаг к *актуализации содержания ораторской прозы* и попытался использовать образы прошлого не только для укрепления единства власти и Православия (что для его главного слушателя — Петра I, звучало, по меньшей мере, архаично), но и для создания на основе старой традиции новых смыслов, лежащих в области светского просвещения и прогресса.

В следующий раз Ф. Прокопович обратился к российской истории в «Слове похвальном преславной над войсками свейскими победе, пресветлейшему государю царю и великому князю Петру Алексеевичу <...> в лето господне 1709 месяца июня дня 27 июня Богом дарованной». Это «Слово», посвященное победе под Полтавой, было произнесено 22 июля того же 1709 г.²³ И вот фрагмент, относящийся к российской истории:

«Но понеже спешится слово ко совершенному мужества рускаго извету, ко нынешней, глаголю, неслыханной победе, того ради довлеет едино токмо воспомянути, еже в своем на Москву посельстве написа Гербестейн, быв иногда посел от величества римскаго ко российскому монарсе, блаженный памяти Иоанну Василиевичу. Той бо, хотя показати, како оттоманстии монарси о силе российстей судят, глаголет сие: “Турский, — рече, — султан, егда пришедших к себе послов польских вопросы тогдашнем отечества их состоянии и услыша, яко их король с царем московским в брань входит, удивляясь, отвеща им: “Дерзок, — рече, — зело король ваш и неравною силою с великим братися хочет”. Великое воистину свидетельство, и едино вместо всех!»²⁴

---

22. Там же.

23. Панегирическая литература... С. 23.

24. Прокопович Ф. Сочинения... С. 25–26.

Все, что содержится в этом отрывке, — или исторический миф, или, как отмечают комментаторы, ошибка памяти автора «Слова»²⁵. Посол императора Максимилиана Сигизмунд Герберштейн был в России в 1517 и 1525 гг., в правление Василия Ивановича III. Ни с Иваном Васильевичем III, ни с Иваном Васильевичем IV он встречаться не мог; разговора, передаваемого Прокоповичем, в записках Герберштейна не содержится. Более того, с точки зрения историка, «свидетельством» силы России этот разговор, даже если бы он и состоялся, признан быть не может. Получается, что Герберштейн пересказывает слова российского правителя, в которых тот, в свою очередь, пересказывает уважительные о России слова, сказанные якобы турецким султаном в разговоре с польскими послами. Это третья степень пересказа, что никак не соответствует стилю «Записок» Герберштейна, но стилистически совпадает с приемами российской публицистики середины XVI в..

Прием *пересказа диалога третьим лицом* был использован в сочинениях Ивана Пересветова. Наиболее ярко иллюстрирует этот прием абзац, завершающий «Сказание о Магомеде султане»:

«Греки в том ослабели во всем и правду потеряли, и бога разгневили неуголимым гневом, и веру: дали христианскую неверным на поругание. И ныне греки хвалятся государевым царством благоверного царя русскаго от взятия Махметова и до сих лет. А инога царства волного христианского и закону греческаго нет, и надежу на Бога держат и на то царство Руское благоверного царя русскаго; хвалятся ям, государем волним царем, коли на споре с Латынины латыньския веры докторы спираются з греки: “На вас, на греков, Господь Бог разгневался своим неуголимым гневом, яко же и на жидов, да выдал вас в неволю царю турецкому за вашу гордость и за неправду. Видите, како Бог гордым противится, а за неправду гневается, а правда вере красота”. Они же о том отказывают им и хвалятся: “Есть у нас царство волное и царь волный, благо; верный государь, князь великий Иван Васильевич всея Руси, и в том царстве велико Божие милосердие, знамяния Божия, святая новья чудотворцы, милость Божия от цих, яко и от первых святых, богу угодивших”. Латынин же рече противо их на споре: “То есть правда, и лучилося бывати в том царстве на отведывание веры христианския: ино они истинные веры христианския, и велика Божия милость в той земли, как про них молвити, про святые чудотворцы, а они по Божию милосердию истинные великие чю-

---

25. Там же. С. 461.

дотворцы, и велика от них благодать Божия, и исцеление бываете верою приходящим»²⁶.

Этот прием похвалы, приписанной третьему лицу и даже врагу, известен давно. Хрестоматийный пример целого сочинения, построенного на нем, — «Рукописание Магнуша», сочинение XV в., приписанное королю Швеции и Норвегии первой половины XIV в., Магнусу Эриксону. Разговор посла Герберштейна с великим князем Иваном Васильевичем — из того же ряда публицистических произведений, в которых Россию и ее правителей хвалят иностранцы.

В издании «Записок» Герберштейна 1551 г. вставка о посольствах в Российском государстве 1517 и 1525 гг. трактовались таким образом, что терялась историческая правда: «Некоторые знатные мужи не усомнились обратиться ко мне с заявлением, боле того, даже с упреком за то, что нынешний государь Московии (Иван IV. — *Прим. авт.*) обыкновенно ссылается на грамоты блаженной памяти императора Максимилиана, в которых будто бы дарован царский титул отцу его Гавриилу, пожелавшему впоследствии изменить имя и называться Василием, и что будто бы он утверждает, что эти грамоты привез ему я. <...> Хотя такие речи как не соответствующие истине и даже неправдоподобные не должны были бы нисколько трогать меня, все же я вынужден опровергать их»²⁷.

В нашем распоряжении нет текста, содержащего российскую трактовку посольств Герберштейна (кроме кратких летописных сообщений, помещенных под соответствующими датами), но можно предположить, что Феофан Прокопович мог взять свой пример из какого-то публицистического произведения, составленного не ранее середины XVI в., в котором этот диалог был приписан Герберштейну, без какого-то злого умысла, поскольку Герберштейн в этом (гипотетическом) сочинении выступал не как исторический, а как литературный персонаж того же рода, что и безымянный «турский султан».

Для публицистики XVI–XVII вв. слово — самое важное свидетельство. Это связано прежде всего с церковной традицией ораторского искусства. Почти в каждом «Слове» или «Послании» (не говоря уже об агиографической литературе) мы можем встретить два-три оборота «сказано/сказал им», с последующей краткой или развернутой цитатой (скажем, в «Послании о неблагоприятных днях и часах» старца Филофея таких

---

26. Сказание о Магмете салтане Ивана Пересветова // Сочинения И.С. Пересветова. М.; Л., 1956. С. 161.

27. Герберштейн С. Записки о Московии... С. 76.

оборотов десять, а в его же «Послании великому князю Василию, в котором об исправлении крестного знамения и о содомском блуде» их пять).

Само выражение: «Великое воистину свидетельство, и едино вместо всех», — отсылает читателей и слушателей к Первому посланию Иоанна: «Ибо три свидетельствуют на небе: Отец, Слово и Святой Дух; и Сии три суть едино. И три свидетельствуют на земле: дух, вода и кровь; и сии три об одном» (1 Ин 5:7–8). Соответственно, можно вполне определенно говорить о том, что Феофан Прокопович, отбирая цитату и используя прием пересказа диалога третьим лицом, обращается с российской историей, как с историей Священной, применяя способ трактования, при котором слово важнее событий, а комментарий важнее факта.

В этом «Слове» о Полтавской победе есть еще одно место, которое, как может показаться, отсылает нас к древней истории. Это описание результата битвы для шведских войск: «Напоиша землю нашу врази кровию своею, иже пришли бяху пити кровь ея; отяготеша трупием своим, иже мышляху отяготити ю игом своим; повергоша себе под ноги нам, иже на выя наши наступати готовляхуся»²⁸. В.П. Гребенюк так комментировал это место: «Рассказывая о Полтавской битве, Прокопович прибегает к традиционным образам, известным древнерусской воинской повести и фольклору (образ пира-битвы)»²⁹. На наш взгляд, Прокоповичу мог быть ближе образ крови, напоившей землю, из книги пророка Иезекииля:

«В двенадцатом году, в двенадцатом месяце, в первый день месяца, было ко мне слово Господне: сын человеческий! подними плач о фараоне, царе Египетском, и скажи ему: ты как молодой лев между народами и как чудовище в морях, кидаешься в реках твоих, и мутишь ногами твоими воды, и попираешь потоки их. Так говорит Господь Бог: Я закину на тебя сеть Мою в собрании многих народов, и они вытащат тебя Моею мрежею. И выкину тебя на землю, на открытом поле брошу тебя, и будут садиться на тебя всякие небесные птицы, и насыщаться тобою звери всей земли. И раскидаю мясо твое по горам, и долины наполню твоими трупами. И землю плавания твоего напою кровью твоею до самых гор; и рытвины будут наполнены тобою» (Иез 32:1–6).

Образ фараона — «молодого льва», кидающегося на многие народы, как нельзя лучше подходил к образу шведского короля Карла XII, начавшего завоевательные походы в 18 лет и потерпевшего поражение под Полтавой в возрасте 27 лет. Это точное попадание в образ, и любому подготовленно-

---

28. Прокопович Ф. Сочинения... С. 33.

29. Панегирическая литература... С. 24.

му слушателю отсылка к книге Иезекииля говорила гораздо больше, чем отсылка к воинским повестям прошлого, которые вряд ли входили в круг обязательного чтения образованных людей того времени.

Обращение Ф. Прокоповича к библейским текстам в полной мере соответствует тем правилам «барочного красноречия», о которых писал Ю.В. Кагарлицкий: «От проповеди требовалось <...> с помощью достаточно высокоразвитой риторической техники “привязать” предмет красноречия к одному из евангельских (библейских) мест, сами места полагались темными, до конца непостижимыми — и потому могущими служить своего рода знаками, образующими систему, отождествляемую с традицией»³⁰. Как мы увидим позже, примеры из российской истории, приводимые Ф. Прокоповичем, попадают под это правило: слабое знание событий или исторических персонажей («темное место») не препятствует обращению этого события (или персонажа) в знак, в символ, в мощный по своему воздействию художественный образ.

Все другие случаи обращений Феофана Прокоповича в «Словах» к российской истории относятся уже не к «киевскому», а к «петербургскому» периоду его деятельности, что важно, поскольку в этот период он, в значительной мере, был не только церковным, но и государственным деятелем. Первое «Слово», произнесенное Ф. Прокоповичем по приезде в Санкт-Петербург (октябрь 1716 г.)³¹, именовалось «Слово похвальное в день рождения благороднейшего государя царевича и великого князя Петра Петровича», то есть 29 октября 1716 г. Пафос этой речи направлен на доказательство преимуществ наследственной монархии по отношению к любым «элективным» формам правления. Широчайший обзор государственных систем у народов всего мира, от глубокой древности до современности, Ф. Прокопович подкрепляет и двумя отсылками к истории России. Они соединены в один смысловой блок, но для целей нашего исследования их удобно рассматривать по отдельности.

Первая отсылка: «Как обо немощная была Россия от смерти великаго Владимирера, егда аще и не иссякл был род самодержца оного, обаче самодержски скипетр на части поломан (что самое было монархии пресечение)! Коих бед не претерпе от междоусобия, от варварского нахождения! И не могла на ноги стати, даже паки единому скипетру и его наследию

---

30. Кагарлицкий Ю.В. Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 42.

31. Чистович И. Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868. С. 25; Прокопович Ф. Сочинения... С. 463.

подадесея»³². Здесь обращает на себя внимание архаичная форма имени великого князя — Владимир, а не Владимир, как он назван, например, в «Синописе» И. Гизеля. Да и в своих более ранних произведениях (трагикомедии «Владимир» 1705 г. и «Слове» 1706 г.) Прокопович использовал имя Владимир в новейшем написании. Применение архаичного написания — Владимир — видимо, вызвано изучением российской истории по старинным летописным сводам и (или) знакомством с такими текстами, как «Память и похвала князю русскому Владимиру», в которых это написание является нормой.

Семантика слова «скипетр» в рассматриваемой фразе наполнена ветхозаветными аллюзиями. Поломанный скипетр — скорее всего, аллюзия на книгу пророка Исайи: «Сокрушил Господь жезл нечестивых, скипетр владык / поражавший народы в ярости ударами неотвратимыми, во гневе господствовавший над племенами с неудержимым преследованием» (Ис 14:5–6). А «единый скипетр», символизирующий единство разрозненных русских земель под самодержавным правлением московских государей, отсылает, видимо, к Книге Премудрости Соломона: «Итак, властители народов, если вы услаждаетесь престолами и скипетрами, то почитите премудрость, чтобы вам царствовать вовеки» (Прем 6:21).

Какой из двух «великих» Владимиров (Владимир Святославич Святой или Владимир Всеволодович Мономах) имеется здесь в виду, мы можем сказать точно, сопоставив этот текст с тестом манифеста «Правда воли монаршей», написанного Феофаном Прокоповичем в обоснование указа Петра I о престолонаследии от 5 февраля 1722 г.:

«Еще же и сие явственный образ и пример к нашему слову подать, что Государи Самодержцы могут разделять и многие разделяли на части Государство свое, и по части сыном своим во владение отдавали, яко <...> Владимир Великий Ярославу, Борису, Глебу, и прочим. <...> Воспомяя же примеры, такового Государств разделения не хвалим, и хвалить не можем дела оного: вельми бо Государствам вредное есть, и не токмо оная к нестроению и междуособным браням, но иногда и к разорению крайнему приводит: чего домашний нам образ показала Россия наша, разделена бывши по частям детям Владимировым. Всяк бо из Российских летописцев (о чем и мнозии иностранные пишут) видеть может, каковые настали между частными оными Владимировыми наследниками несогласия, раздоры, междуособные войны, которыми в толикое бессилие

---

32. Прокопович Ф. Сочинения... С. 42.

пришла Россия, что под власть варварства Татарского с великим своим студом и бедством подпала; и дивное есть Божие о ней смотрение, что не в конец порабощена стала, и имени своего между народами не погубила»³³.

Таким образом, мы видим отчетливо, что Феофан Прокопович ведет речь о Владимире Святославиче, которого называет Великим (видимо по аналогии с императором Константином, утвердившим христианскую веру в своей империи), время его правления служит для автора XVIII в. точкой отсчета сразу нескольких исторических процессов. И образ именно этого Владимира — Владимира Святого — приближается к образам правителей Священной истории, символизируя те или иные качества правителя.

Вторая историческая «картинка» в этом «Слове» относится ко времени прекращения династии Рюриковичей. Она более конкретна и фактологична: «Пресече ток крове царствующая Годуново властолюбие, паки мятеж, паки кроволития, паки разорения! <...> Воистинну в той час могли о российстем роде супостаты его гласити: “Бог оставил есть его; пожените и имите его, яко несть избавляй”»³⁴. Понятно, что речь идет о смерти Димитрия Ивановича (в трактовке его убийства по указанию Бориса Годунова) и событиях Смутного времени. И опять, как в предыдущем послании, главным доказательством справедливости мнения автора служат слова третьих лиц, в данном случае — безымянных «супостатов». На полях подле этого суждения стоит пометка «Псалом 70 (11)»³⁵. Это отсылка к строкам: «Ибо враги мои говорят против меня, и подстерегающие душу мою советуются между собою, говоря: “Бог оставил его; преследуйте и схватите его, ибо нет избавляющего”». А эти строки, в свою очередь, перекликаются с главой 15 книги Исход, где приводятся слова «супостата»-фараона, погнавшегося за израильянами и сгинувшего в море: «Враг сказал: погонюсь, настигну, разделю добычу; насытитесь ими душа моя, обнажу меч мой, истребит их рука моя» (Исх 15:9).

Таким образом, российские исторические события под пером автора «Слова» становятся событиями, сравнимыми с событиями ветхозаветными, и обретают силу абсолютной истинности. История России предстает здесь как прямая реализация Божественного Промысла: «Но возврати паки милость Свою Господь, воскреси умершее блаженство наше, воздвигну

---

33. Прокопович Ф. Правда Воли монаршей в определении державы своей. СПб., 1722. С. 52.

34. Прокопович Ф. Сочинения... С. 42–43.

35. Там же. С. 43.

и вознесе на всероссийский престол благороднейшее колено Романовых, и дарова ему наследуемый скипетр, и скипетра наследием благослови»³⁶.

Образ Годунова в качестве примера неправильного правления вновь использован Ф. Прокоповичем в «Слове о власти и чести царской», произнесенном 6 апреля 1718 г. в Петербурге. В этом «Слове» Прокопович дает обоснование действиям Петра I по лишению прав на престол царевича Алексея Петровича (находящегося под следствием в Петропавловской крепости) и объявлению новым наследником малолетнего Петра Петровича. Именно этим можно объяснить появление в начальной части «Слова» упоминания о «грехе, в времена сия в России приключившемся»³⁷, и обращение к истории «древних цареворцев».

В истории же России примером посягательства на Богом данную власть служит Годунов. Вот как это представлено в тексте «Слова»:

«И яко же, подрывающе основание, трудно удержати в целости храмину, тако и zde бывает: опровергаемым властем верховным, колеблется к падению все общество. И сия болезнь в государствах мало когда не бывает к смерти их, яко же можно видети от всемирных историй. Но коих мы требуем историй? Не сама ли Россия довольная себе свидетельница? Мню бо, яко не тако скоро забудет, что претерпе по злодействию Годуновом и как не далеко была от крайняго своего разрушения»³⁸.

Если в «Слове» 29 октября 1716 г. «злодейство» Годунова представлено очень конкретно, как «пресечение династии», то здесь вина Годунова трактуется шире — как посягательство на права верховной власти, из чего вытекают все беды России.

В сентябре 1718 г. Ф. Прокопович произнес «Слово в день святого благоверного князя Александра Невского». Эта речь — образец того, как можно что-либо сказать о человеке, не зная о нем ничего, кроме имени и прозвания. Признание в том, что ему ничего не известно о князе Александре Ярославиче, Прокопович поместил во вторую половину «Слова», ту, где надо сказать что-то конкретное о том, кому эта речь посвящена. Вот как это выглядит:

«Посмотрим <...> на <...> образ <...> приснопамятного <...> государя российская святого Александра. Жаль вельми, яко времена оная, малоискусная в деле книжном и неприлежная ко историям, не оставиша нам пространной о нем повести, а имели бы мы, надеюся, много по-

---

36. Там же.

37. Там же. С. 77.

38. Там же. С. 92.

лезного учения. Но обаче и от краткого воспоминания, аки от оставленного мелкаго следа, можем познати, коликий сей муж был, како не всеу нарицался великий князь российский, како рассуждал должность звания своего и не титулу токмо государственную, но и тяжесть государственных дел со усердием носити тшался»³⁹.

Другими словами, «Житие Александра Невского» Ф. Прокоповичу не известно. Все, что он знает об этом великом князе, почерпнуто, видимо, из той же Густынской летописи, с которой автор ознакомился в Киево-Могилянской академии. А там сведения об Александре составляют три записи:

1249 г.: «Сартак Батыевич, царь Татрский, даде Киев и Рускую землю Александру Ярославичу Киевскому, внуку Всеволода Московского».

1252 г.: «Александр Ярославич, внук Всеволод, Московский, поиде во орду к Сартаку царю татрскому, и упраси себе княжение всею Рускою и Московскою землею, и над всеми князи, и возвратися со великою честью, и приде ко Владимирю граду стольному Московскому; изыде же противу ему Кирил митрополит, пред Златые врата, со кресты и всеми людьми; а князь Андрей Ярославич, брат Александров, побеже».

1263 г.: «Преставися Александр Ярославич, великий князь Московский и Киевский, пострижеса в схиму»⁴⁰.

Кроме этих сведений, из какого-то другого источника Прокоповичу известна «краткая и весьма обстоятельная» история «виктории преславной» над «свейским королем», одержанной Александром на Неве⁴¹. Что это было за сражение (и с кем — поскольку шведский король в нем не участвовал), как оно проходило и к чему победа привела, Прокопович не знает. Но мощный дар публициста, знание мировой истории и логика его выручают и тут:

«Но и се известно, яко победители, иже от мест победительных или народов побежденных заимствовали себе прозвания (якоже бе обычай у древних римлян) не за легкое с неприятелем сражение, но за многоподвижный бой и за полную и великую викторию, таковая прозвания куповали себе, — то и наш Александр не могл бы прозван быти Невский, разве за таковую при Неве победу, которая яко не-

---

39. Там же. С. 99–100.

40. Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2. С. 341–343.

41. Прокопович Ф. Сочинения... С. 100.

приятелю совершенное бедство, тако России совершенное безпечалие подала»⁴².

Итак, логика автора такова: в тяжелейшие для страны годы, когда Россия была «внутриду немощна, от внеуду бедна», Александр Ярославич одержал победу над шведами, а поскольку место, на котором победа одержана, стало его прозвищем, то победа эта была трудная и чрезвычайно необходимая. Далее, ничего не зная о том, каковы были качества князя Александра как государственного деятеля, Феофан Прокопович следует логике: если хорош в воинских делах, то в управлении — не хуже:

«Подвизался он с крайним бедствием на неприятелей, — то како бы обленился со властью наступать на внутренних врагов, воров, хищников, клеветников, убийцев, кривосудцев и иных злодеев? Готов был за люди своя положить душу свою, — то како был бы тяжек о общем добре попечение приложить? Умрети хотел, отечество свое заступая, — то како бы той не хотел трудиться управляя?»⁴³

И поскольку конкретных фактов в обоснование этой риторики Прокопович привести не мог, он поступил так, как поступил бы каждый церковный публицист: отослал слушателей к Библии: «и могл Александр наш неложно о себе с Давидом воспевати: “Милость и суд воспою Тебе Господи” и прочая словеса псалма того, в котором государских должностей аки зеркало представляется»⁴⁴.

Полный текст сотого псалма, который Ф. Прокопович называет «зеркалом государственных должностей», выглядит так:

«Милость и суд буду петь; Тебе, Господи, буду петь.

Буду размышлять о пути непорочном: когда Ты придешь ко мне? Буду ходить в непорочности моего сердца посреди дома моего.

Не положу пред очами моими вещи непотребной; дело преступное я ненавижу: не прилепится оно ко мне.

Сердце развращенное будет удалено от меня; злого я не буду знать.

Тайно клеветущего на ближнего своего изгоню; гордого очами и надменного сердцем не потерплю.

Глаза мои на верных земли, чтобы они пребывали при мне; кто ходит путем непорочности, тот будет служить мне.

Не будет жить в доме моем поступающий коварно; говорящий ложь не останется пред глазами моими.

---

42. Там же.

43. Там же. С. 101.

44. Там же.

С раннего утра буду истреблять всех нечестивцев земли, дабы искоренить из града Господня всех делающих беззаконие».

Отсылка именно к этому псалму становится понятна, если помнить о том, что в июне 1718 г. под пытками скончался сын Петра I Алексей и тогда же было опубликовано «Объявление розыскного дела и суда, по указу его царского Величества на царевича Алексея Петровича»⁴⁵.

Феофан Прокопович, посредством возможностей человеческой логики и отсылок к библейским образам, устанавливает полную аналогию между правлением Александра и Петра I. Оба не только побеждали на Неве шведов, но и трудились во благо страны, и карали изменников. Это сравнение закрепляется в конце «Слова»: «А егда тако о должностех наших поучаемся и ставим в образ того святого Александра Невского, видим другой образ, живое зеркало тебе, Александров не токмо в державе, но и в деле наследниче, Богом данный монархо наш»⁴⁶. И мы можем убедиться, что Александр Невский у Прокоповича — персонаж, скорее, не исторический, а литературный. Все, что восхваляет в нем Прокопович (кроме факта победы на Неве), придумано самим автором. Александр Невский становится столь же идеальным правителем (то есть носителем образцовых качеств), как библейские Давид или Соломон, а русская история воспринимается, как библейская — источником символических образов и поучительных примеров.

В 1722 г., в «Слове о состоявшемся между империею Российскою и короной шведскою мире 1721 года», Ф. Прокопович обращается к российской истории в не свойственной для прежних его сочинений манере. Он сравнивает не персонажей, а события, а именно войну России со Швецией и войны Московского царства с Казанским и Астраханским ханствами в XVI в.:

«Вспомянем ли бывшья у нас войны с татарами? — Богу благодарение давшему и тогда крепость царем нашим и не точию варваров оных оружием российским смирившему, но и покорившему Российской державе. Однакож войны и виктории татарски я весьма не в пример; не смотря на старики, что ни скажут — нам вопреки. Славите вы, батюшки, походы ваши, на татар бывшья: да славите во угле и в компании вашей, а где речь о войне шведской — молчите, пожалуйте!»⁴⁷

---

45. Объявление розыскного дела и суда, по указу его царского Величества на царевича Алексея Петровича в Санкт Петербург отправленного и по указу Его Величества в печать, для известия всенародного. СПб., 1718.

46. Прокопович Ф. Сочинения... С. 102.

47. Там же. С. 116.

Общий принцип обращения к российской истории здесь тот же: пример — на пример. Прошлое должно оттенять современность, служить ему фоном и, попутно, помогать решать пропагандистские задачи. Правильность политики войны со Швецией Прокопович доказывал, сближая победы Петра с победами Александра Невского. Превосходство политики Петра над тем, что было в прошлом, он демонстрирует уже на другом примере. Доказательства, по-прежнему, — не дела, а слова: «Приходит тут на мысль, что пишет Тит Ливий. Когда Александр Македонский воевал персов, между тем временем дядя его, другой Александр, епиротский король, воевал с римлянами; тот, с крайним своим бедством узнав силу римскую, <...> сказал: “Племянник — рече, — мой с женскими силами воюет”. Так опорочил асийския силы против римских. Но тожде ли и мы скажем, примеряя татарские к шведским силам? Оставляю всякому в разсуждение»⁴⁸.

Прием, использованный здесь, уже известен по «Слову похвальному преславной над войсками свейскими победе» 1709 г. Там, якобы в тексте Герберштейна, содержится похвала России, произнесенная устами врага. Здесь — в тексте римского историка Тита Ливия враг хвалит римское войско. Добавим к этому, что в «Истории» Тита Ливия тоже (как и в истории с Герберштейном) нет тех слов, которые цитирует Прокопович. У Тита Ливия в Книге IX есть нечто похожее:

«А может быть, в том заключалась опасность, что Александр искусней любого из названных мною и место для лагеря выберет, и обеспечит бесперебойный подвоз продовольствия, и обезопасит себя от засад, и улучит удобное время для битвы, и сумеет выстроить войска и подкрепить их резервами? Но нет, ему пришлось бы признать, что тут перед ним не Дарий! Это Дария, тащившего за собою толпы женщин и евнухов, отягощенного грузом пурпура и золота в доказательство своего благоденствия, Александр мог захватить скорее даже как добычу, а не как врага, найдя в себе только смелость презреть все это его показное величие. А в Италии, когда бы выросли перед ним апулийские леса и луканские горы и предстали бы ему свежие следы несчастья его семьи там, где недавно погиб его дядя — Эпирский царь Александр, ничто бы не напомнило ему тогда той Индии, по которой он прошел во главе хмельного и разгульного войска»⁴⁹.

Видимо, и здесь Ф. Прокопович опирался не на текст Тита Ливия, а на какое-то переложение его «Истории», поскольку его интересовала

---

48. Там же.

49. *Тит Ливий*. История Рима от основания города. М.: Ладомир. 2002. Т. 1. С. 518.

не историческая точность, а *исторический параллелизм* и возможность сопоставлений через века. Слово по-прежнему служит лучшим доказательством, а исторический факт значим только тем, что символичен.

На то, что Ф. Прокопович опирался при подготовке своих речей на одно или даже несколько историко-политических сочинений, составленных не позже второй половины XVII в., указывает еще один фрагмент — из «Слова похвального о баталии Полтавской», произнесенного 27 июня 1717 г. В этом фрагменте автор перечисляет те силы, которые не хотели бы усиления России, тех, кто боялся ее и завидовал:

«Густав великий король свейский с великим пререканием писал к Елисавете королеве аглинской за то, что она несколько пушек послала в дар царю Иоанну Васильевичу, уличая оная неопасность, яко показующия нам силу оружную; той же заповеда своим под смертью, дабы кто воинскаго учения и оружнаго художества не преносил в Россию. В лето 1563 был сейм в Любеке, городе поморском, где уставлено також, дабы от них не дерзал кто преходити к нам с искусством воинским и дела корабельнаго. Граф Гербесштейн, бывый посол к России от Максимилиана кесаря, увещавает Германию, да бы опасна была от Руссии и не показовала бы нам способов военных. Самуил Пуффендорф судит королевство Шведское беспечальное быти от Руси за крепостьми Нарвою, Ноттенбургом, Выборгом и инными: не чаял, знать, что будет»⁵⁰.

«Увещевание» Герберштейна — это, видимо, фрагмент из «Аппендикса» к его книге (издание 1667 г.), в котором говорится о событиях Ливонской войны и, в частности, дается оценка военным силам России: «Вследствие столь многочисленных походов и славных деяний имя московитов стало предметом великих страхов для всех соседних народов и даже в немецких землях, так что возникает опасение, что Господь, по великим нашим грехам и преступлениям, если не обратится к нему с искренним раскаянием, подвергнет нас тяжким испытаниям от московитов, турок или каких-либо других великих монархов и строго покарает нас»⁵¹. Издание это — перевод «Записок» с латыни на немецкий, подготовленный неким Панталеоне, — вышло в свет через год после смерти Герберштейна. Так что слова об опасности, исходящей от России, принадлежат, видимо, не автору, а переводчику. И призыва «не показывать способов военных» в нем нет.

---

50. Прокопович Ф. Сочинения... С. 52.

51. Герберштейн С. Записки о Московии... С. 78.

Что касается С. Пуфендорфа, то здесь имеется в виду книга, именуемая в первых двух переводах на русский язык (1718 и 1723 гг.) «Введение в историю европейскую». В переводе Гавриила Бужинского (сделанного с перевода этой книги с немецкого на латынь), фрагмент, который имел в виду Ф. Прокопович, выглядит так: «Швеция сопредельна с Россиею есть, не великое настолько бедствие: ибо не токмо самая Россия довольно силы к отражению неприятельского стремления имеет, егда домашние вещи тихи и покорны суть, ли когда извне от неприятелей имеет мир, но также яко и Швед от оныя страны распространити владения не тщится: понеже в защищении мест толь дальних более убытку нежели прибыли имели бы Шведы»⁵². Здесь, как и в отношении книги Герберштейна, Прокопович смещает акценты. Пуфендорф рассуждает отстраненно о том, что война Швеции с Россией трудна, и без союза с Польшей вряд ли будет успешной. Под пером Прокоповича это рассуждение превращается во враждебное к России предостережение.

Источники же первых двух аргументов (письмо шведского короля и решения сейма в Любеке) неясны. Вероятно, Ф. Прокопович воспользовался аргументацией одного из публицистических произведений конца XVI–XVII вв. Это произведение, по своему характеру, должно быть, близкое к «Рукописанию Магнуша, короля шведского» — русского сочинения, рубежа XIV–XV вв., написанное от имени шведского и норвежского короля Магнуса Эриксона. Описание неудачных походов шведов на Русь завершается в этом «Рукописании» призывом: «И нынѣ приказываю своимъ дѣтем и своей братьи и всей земли Свѣйской: не наступайте на Русь на крестномъ целовании; а кто наступитъ — на того огонь и вода, имже мене Богъ казнилъ. А все то створилъ Богъ къ моему спасению»⁵³.

Эта литературная традиция — вкладывать в уста врагов то, что хотел бы сказать сам, — одна из самых прочных в ораторском искусстве со времен глубокой древности. Проявляется она (как уже было отмечено выше) и в «Словах» Ф. Прокоповича. В том же, как изложены у Прокоповича аргументы враждебного отношения западных стран к России, заметно старание обосновать необходимость усиления мощи страны вопреки «козням» врагов.

Итак, мы можем судить о том, что примеры из русской истории, использованные Ф. Прокоповичем в его «Словах», отобраны по определенно-

---

52. Пуфендорф С. Введение в историю европейскую. СПб., 1723. С. 744.

53. Рукописание Магнуша. БЛДР. Т. 6: XIV — середина XV века [СПб.: Наука, 1999] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4975> (дата обращения 22.09.2015).

му принципу. Историческая точность при подборе аргументации *назидательных сближений* не очень важна. Исторические персонажи и события выбираются так, чтобы они могли служить символами единства прошлого и настоящего, подтверждать самим своим существованием правоту тех трактовок, которые дает автор российской власти и ее действиям. Переноса приемы церковного ораторского красноречия, разработанные для текстов Святого Писания, на российскую историю, Прокопович выявляет не историческое, а символическое значение персонажей и фактов. Российскую историю он знает настолько хорошо, насколько это возможно было для образованного человека первой трети XVIII в. Но в его знании есть очевидные пробелы, которые невозможно устранить никак иначе, кроме как самостоятельным изучением источников и новым последовательным изложением событий — чем и занялись младшие современники Ф. Прокоповича: В.Н. Татищев и М.В. Ломоносов.

Источники и литература

1. *Автухович Т.Е.* Прокопович // Словарь русских писателей XVIII века. СПб., 1999. Вып. 2 (К–П). С. 488–496.

2. *Буранок О.М.* Творчество Феофана Прокоповича и русско-зарубежные литературные связи первой половины XVIII века. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора филологических наук. Самара, 2013.

3. *Бухаркин П.Е.* Феофан Прокопович и духовно-интеллектуальные движения петровской эпохи // Христианское чтение. 2009. № 9–10. С. 100–121.

4. *Винтер Э.* Феофан Прокопович и начало русского Просвещения // XVIII век. М.; Л.: Наука, 1966. Сб. 7: Роль и значение литературы XVIII века в истории русской культуры / К 70-летию чл.-корр. АН СССР П. Н. Беркова .

5. *Герберштейн С.* Записки о Московии. М.: Издательство Московского университета, 1988.

6. Густынская летопись // ПСРЛ. СПб., 1843. Т. 2.

7. Ипатьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 2.

8. *Кагарлицкий Ю.В.* Текст Св. Писания в проповедях Феофана Прокоповича // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. № 5. С. 39–48.

9. Лаврентьевская летопись // ПСРЛ. М.: Языки русской культуры, 1997. Т. 1.

10. Мечта о Русском единстве. Киевский Синописис (1674). М.: Европа, 2006.

11. *Ничник В.М.* Феофан Прокопович. М.: Мысль, 1977.

12. Объявление розыскного дела и суда, по указу его царского Величества на царевича Алексея Петровича в Санкт Петербург отправленного и по указу Его Величества в печать, для известия всенародного. СПб., 1718.

13. *Павленко Н.И.* Феофан Прокопович // Наука и жизнь. 1995. № 4. С. 86–92.

14. Память и похвала князю русскому Владимиру. Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 1 // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4870> (дата обращения: 22.09.2015).

15. Панегирическая литература петровского времени. М.: Наука, 1979.

16. Повесть временных лет (по Ипатьевскому списку). Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 1 // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 22.09.2015).

17. *Прокопович Ф.* Правда Воли монаршей в определении державы своей. СПб., 1722.

18. *Прокопович Ф.* Слова и речи. СПб., 1760. Ч. 1.

19. *Прокопович Ф.* Сочинения. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1961.

20. *Пуфендорф С.* Введение в историю европейскую. СПб., 1723.

21. Рукописание Магнуша. Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 6: XIV — середина XV века [СПб.: Наука, 1999] // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского дома). URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4975> (дата обращения: 22.09.2015).

22. Сказание о Магмете салтане Ивана Пересветова // Сочинения И.С. Пересветова / Подготовка текста — А.А. Зимин. М.; Л., 1956.

23. *Тит Ливий.* История Рима от основания города. М.: Ладомир, 2002. Т. 1.

24. *Хранко-Магала М.В.* Переиздания литературного наследия Ф. Прокоповича в XVIII–XX вв. и проблемы редактирования // Текст. Книга. Книгоиздание. 2012. № 2. С. 69–77.

25. *Чистович И.* Феофан Прокопович и его время. СПб., 1868.